

Айтжан НУРГАЛИЕВА

Кокшетау, Казахстан

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Toponymic legends from Akmolinska region

The article discusses the interaction and influence in the folklore of Eastern Slavs, and the influence of Kazakh folklore on Russian folklore studied on the basis of toponymic legends.

Keywords: folklore, songs, legends, fairy-tales, Eastern Slavs.

Результатом переселенческой политики русского царизма в 18–19 веках явилась колонизация региона, призванная решить не только аграрный вопрос, но и укрепить позиции России на территории Казахстана. В итоге в названном регионе сформировалось полиэтничное население. С этого времени Казахстан становится многонациональным, наряду с казахами здесь проживают русские, украинцы, белорусы, мордва, татары, чувашаи, немцы и др. На материалах архива кафедры русской филологии КГУ им. Ш. Уалиханова мы попытаемся проследить взаимодействие и взаимовлияние родственных восточнославянских культур: русской, украинской, белорусской, а также влияние казахского фольклора на восточнославянский фольклор.

Кроме казачьих станиц для образования степных поселений в 50-х годах 19 века “были вызваны малороссийские казаки и крестьяне Оренбургской и Саратовской губерний в числе 3852 душ, которые, водворившись на лучших земельных участках Кокчетавского уезда, образовали здесь богатые многолюдные станицы и положили тем основание

для колонизации киргизской степи”¹. Так началось образование существующих и теперь Щучинской, Котуркульской, Зерендинской, Арык – Балыкской, Кокчетавской, Атабасарской и Акмолинской станиц, образованных таким же принудительным выселением казаков с линии еще в 20-х и 30-х годов минувшего столетия”². В описании этих мест говорится, что они “представляют все необходимые удобства к заселению”.

В 1849 – 1851 гг. зачислили в казачье сословие 7500 крестьян, прибывших из соседних Саратовской и Оренбургской губерний (русские и мордвы), а также Полтавской губернии, вызванных для поселения в Кокчетавский округ. Значительную часть переселенцев в Кокчетавский округ составили крестьяне из Кузнецкого округа Хвалынского уезда Барановской волости Саратовской губернии. По сведениям И. Словцова и Г. Катанаева, в Кокчетавский внешний округ первоначально входило 17 волостей, в которых насчитывалось 13810 юрт с населением 41 450 человек. Согласно сведениям Красовского, составленным по отчету военного губернатора области сибирских киргизов за 1863 г., казачье население Кокчетавского округа составляло 14 957 душ обоего пола.

В описываемом районе было расположено 9 казачих станиц и поселков: Челкарский, Аиртавский, Лобановский, Имнтавский, Арыкбалыкский, Верхне – Бурлукский, Аканбурлук и Якшиянгизтавский.

Так, Аиртавский выселок основан в 1850 г. Население остояло большей частью из переселенцев Саратовской, Пензенской, Пермской и Тобольской губерний, приписавшихся к казачеству. Население Имнтавского выселка состоит из старых казаков (около 60 семей), мордвы и татар из Пермской губернии. Выселок разделяется на татарскую и русскую половину. Население Якши Янгистава Г.Е Катанаев характеризовал следующим образом: “поселок состоит из небольшого числа дворов старых казаков – инструкторов, мордвы и, задающих, по видимому, главный тон, хохлов. Мордва из того же Хвалынского уезда Барановской волости, что и щучинцы, но только других деревень, прибыли совместно прочими переселенцами по вызову начальства. Хохлы –

¹ Бекмаханова Н.Е. Казачьи войска Азиатской России в 18- нач. 20 в. Сборник документов, Алматы, 2003, С. 253–254.

² Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск: Типогр. окр.штаба, 1904, С. 10.

Харьковской губернии Старобельского уезда и таковой волости, Слободы и Лимань”³.

Население станицы Котуркульской и Акан – Бурлука составили преимущественно украинцы, “пришедшие сюда не из малороссийской губернии, а из Самарской губернии, где они долго жили”.

Население Нижнего Бурлука состояло главным образом “из бывших крестьян великороссов Оренбургской губернии и бывших сибирских казаков Пресногорьковской и Ишимской линии. Было изначально из хохлов, мордвин и чувашей. Но последние исчезли – совершенно вымерли. Мордва слилась с великороссами и уже ничем не отличается от последних, ни по одежде, ни образу жизни”.

Таким образом, основное население станиц Кокчетавского округа было представлено выходцами из крестьянского сословия. Национальный состав сибирских казаков был преимущественно, но не исключительно, русским. “Из всего числа 25 878 душ обоего пола собственно казаков, населявших Кокчетавский уезд, причислявших себя к великороссам 10 532 души, к малороссам 7553, к белорусам 1033, мордве 5834 души, к татарам 830 и к черемисам 96 душ”⁴.

Больше всего записей песен было произведено в Зерендинском районе. В 1978 году этот район был обследован участниками фольклорной экспедиции. Повторный фольклорный выезд состоялся через 10 лет (в 1989 году). Посещение сел района, встречи с уже знакомыми или новыми исполнителями дали материалы, позволяющие с большей обоснованностью говорить о судьбах фольклорных жанров.

Если районный центр (с. Зеренда) был в прошлом казачьей станицей и на момент записей информантами были потомки казаков, то в других селах население носило смешанный характер: русские, украинцы, белорусы, казахи, мордва, чуваша. Что касается численности населения, то русских и украинцев значительно больше, чем белорусов. Если русско-украинские фольклорные взаимосвязи довольно-таки активно изучены,

³ **Примечания Г.Катанева** // Словцов И. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1881 году//Записки ЗСО ИРГО. Кн. 3, 1881. С. 62.

⁴ **Словцов И.** Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1881 году// Записки ЗСО ИРГО. Кн. 3, 1881. С. 33.

то русско-белорусские в названном регионе изучены мало. В селах Заборовка, Троицкое, Лосевское, Викторовское Зерендинского района было записано свыше 2000 текстов русского фольклора. Записи впервые были произведены в 1978 году, повторно в 1989 г. Исконными жителями названных сел являются, в основном, потомки русских и украинцев. Белорусы по сведениям 1907 года в уезде составляли не более 10 семей. В основном же белорусы переехали в район во время освоения целинных и залежных земель. В целом исторические предпосылки развития фольклора в микрорегионе таковы, что можно выделить определяющее взаимодействие культур двух национальностей – русских и украинцев. Однако фольклорные записи свидетельствуют о хотя и незначительном, но все таки русско-белорусском фольклорном взаимодействии.

В последние десятилетия сказочную прозу и ее персонажей интенсивно изучают в различных аспектах: сюжетно-классификационном (В. П. Зиновьев, Н. А. Гордеева, Е. С. Ефимова), этнолингвистическом (О. А. Черепанова, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая, А. В. Гура, Б. А. Успенский, Е. Е. Левкиевская и др.), мифолого-семантическом (Н. А. Криничная, Г. В. Медведева, К. Э. Шумов). В рамках регионального подхода современными исследователями уже рассматривались в различных аспектах сказочная проза Севера России, Поволжья, Дона, Урала, в Сибири исследованы материалы Иркутской области и Забайкалья, Омской и Новосибирской областей. Материалы сказочной прозы Акмолинской области до сих пор недостаточно изучены на уровне научных публикаций и исследований. Топонимические предания Акмолинской области (далее так будем обозначать бывшую Кокчетавскую область), несмотря на их широкое бытование, до сих пор остаются малоизученными. Предания, как отдельный жанр фольклора, изучала В. К. Соколова, которая выделила топонимы, 1) образованные от имен местных жителей, 2) связанные с местными историческими событиями, случаями с известными лицами, с местными происшествиями и обычаями, 3) образованные от слов, произнесенных кем-то в данном месте. Отдельно она выделила топонимические предания, основанные на мифологических образах и мотивах. А. И. Лазарев в работе “Предания рабочих Урала как художественное явление” рассматривает происхождение топонимических преданий, выявляет устойчивые мотивы, об-

разующие сюжет топонимических преданий. И. А. Голованов исследует мифологические мотивы в топонимических преданиях Южного Урала, происходящие от иноязычных топонимов. Исследование В. В. Сокила было посвящено материалу карпатских топонимических преданий, где международные сюжеты и мотивы подведены под региональные особенности. В последние десятилетия по преданиям, топонимическим в том числе, появились исследования регионального аспекта, но до сих пор в фольклористике отсутствует четкость в классификации сказочной прозы, частью которой являются топонимические предания, нет единых критериев жанровой дифференциации в рамках повествований сказочного характера, нет исследований структурных и поэтических особенностей топонимических преданий, так как фольклористы все же уделяют больше внимания национальным и региональным особенностям топонимических преданий. До последнего времени основным классификационным принципом преданий был принцип тематический, а этот принцип весьма затрудняет систематизацию и внутрижанровую классификацию топонимических преданий. В данной статье мы ставили своей целью выявление региональных особенностей топонимических преданий и топонимических мотивов Акмолинской области, их структурных особенностей и сюжетно-мотивного состава, так как исследуемый материал нигде ранее не был опубликован. Предания записывались на территории бывшей Кокчетавской области студентами КГУ им. Ш. Уалиханова с 1978 по 2008 годы (далее тексты будем обозначать АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр., опись...)

Предания как вид сказочной прозы отражают осмысление событий местной истории в далеком или недалеком прошлом в ареале определенного региона. Информанты дают оценку и историческим событиям, и историческим персонажам. Согласно этому принципу, предания делятся на исторические, топонимические и генеалогические разновидности, где каждый из них имеет свои структурные и поэтические особенности. Известно, что топонимические предания являются жанром, который имеет свои специфические функции и структурные особенности, а также, что соотношение общерусского и регионального содержания находит выражение в специфике оформления сюжетно-мотивного состава топонимических преданий. Однако следует заметить, что не

всеми фольклористами выделяются топонимические предания. Не считает целесообразным выделять топонимические предания в отдельную группу известный фольклорист Н. А. Криничная, полагающая, что топонимическим может быть названо не столько само произведение, сколько содержащийся в нем мотив. По ее мнению, имеются исторические предания, которые отражают события местной истории, а топонимический мотив подтверждает достоверность рассказываемого, являясь средством привязки сюжетов, мотивов к определенной местности.

Мы полагаем, что топонимические предания прежде всего осмысляют окружающее пространство и повествуют о его природных или хозяйственных свойствах, исторические же предания осмысляют исторические события и действия исторических лиц и дают им оценку. Поэтому разные функции исторических и топонимических преданий влияют на структурные особенности произведений. В. П. Аникин, А. И. Лазарев, Л. Е. Элиасов рассматривают топонимические предания как отдельную тематическую (внутрижанровую) группу преданий. В. К. Соколова предлагает рассматривать топонимические предания как особый раздел исторических преданий. Мы же склонны считать топонимические предания самостоятельным жанром, исходя из положений о фольклорном жанре, разработанных в трудах отечественных фольклористов В. П. Аникина, П. Г. Богатырева, И. И. Земцовского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, которые определяют жанр поэтикой, бытовым применением, формой исполнения. Ни один признак в отдельности не характеризует жанр, он определяется их совокупностью. Ведущими признаками жанра исследователями признаются функция и отношение к действительности, приводящие к общности и сходству формальных средств и приемов. Решающую роль в формировании жанра играет форма, структурные особенности произведений.

Исследуя структуру топонимических преданий, следует обратить внимание на мотив преданий. Топонимический мотив объясняет название географических объектов, раскрывает их происхождение. Топонимических мотивов, связанных с определенной местностью, очень много. На основе записей топонимических преданий Акмолинской области были выделена группа топонимов: 1) образованные от имени, 2) название селения, образованное от наименования местности, в которой оно

было основано "... наш поселок так называется потому, что здесь раньше было много верблюдов. С казахского "бура" – это верблюд, а "бай" – богатый. Так и стал Бурабай Боровым" (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 18, опись Р-2-1979). Так коротко объяснил информант происхождение топонима Боровое. В другом же повествовании этого же информанта топонимический мотив названия Боровое наполняется художественными подробностями: "Старики рассказывают, что когда-то в наших степях жил белый-белый, чистый, как снег, верблюд. Его звали Бура. Он был огромным, но не в тягость людям, так как защищал эти края. Однажды Бура шел неторопливо напиться воды к водопою. Навстречу к нему выехал богатый, но глупый человек. Такие люди считают, что им все позволено. Этот человек стал хвастать перед своими друзьями своей меткостью. Он пустил стрелу в сердце верблюда. Бура упал, но все же пополз из последних сил к озеру. А этот человек не успокоился, он вонзил в верблюда еще и кинжал. Застыл тогда верблюд, превратившись в каменную скалу. Эту гору в честь верблюда называли Бурабаем. Долго еще со скалы, находящейся рядом стекали в озеро ручейки. Их называли слезами и кровью верблюда. Скала была красного цвета, и вода в ручьях казалась кровью... Скалу в народе называют Кызылтас, т.е. камень красного цвета..." (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 18, опись Р-2-1979).

Ко второй группе относятся топонимы, обозначающие этническую принадлежность первопоселенцев: "... наши деды были из Украины. Сюда приехали, а кругом степь одна. Посадили яблоньки и другие деревья, скучали по покинутым местам. Село потом назвали Новоукраинкой..." (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 32, опись Р-5-1980).

Третья группа – топонимы, в основе которых лежат особенности природного и животного мира края, например, село Белоярка имеет такое объяснение: "... оттого, что из домашних животных преобладали овцы белой масти..." (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 381, опись Р-2-2005) или "... озеро здесь было раньше. Много чаек было. И сейчас их много. Казахи из-за того, что чаек много водилось называли Шагалы, т.е. места, где чайки живут. А русские переселенцы не смогли выговорить Шагалы и называли озеро Чаглинка. Так учительница наша рассказывала. А по названию озера называли и село Чаглинкой" (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 84, опись Р-10-1986).

В основе следующей группы топонимов лежат отличительные черты объекта: "... когда приехали казаки осваивать станицу, форпост, то с удивлением увидели, что в этом озере щук видимо-невидимо. А казахи рыбу не ели, вот она и плодилась несметно. Казахи озеро называют Шортанды, что в переводе одинаково с русским Щучье" (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 18, опись Р-2-1979), "... село Костомаровка называется по имени землестроителя Костомарова, так говорят некоторые старожилы. А больше мы придерживаемся такого объяснения: село находится между сопками – томарами (по-казахски). "Кос томар" значит "между двумя сопками"... Красивые у нас места. Вокруг села сопки, сопки... Мы их называем горы. Хотя какие они горы... Невысокие, полностью поросшие соснами..." (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 14, опись Р-14-1978).

Многочисленны топонимы, обозначающие социальную или половозрастную принадлежность человека: "... была в нашей деревне девушка, очень красивая, веселая, общительная. У нее были белокурые длинные-длинные волосы. Все ее любили, и родители души не чаяли. Однажды вышла она из дома, да так и не вернулась. Долго искали и не нашли. Нашли только косынку ее в поле, приложенную камнем и больше ничего. Долго горевали ее родители и вместе с ними вся деревня. Вот и решили в память о Яре (так ее звали) назвать нашу деревню Белой Ярой, а со временем называться село стало Белояркой" (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 381, опись Р-2-2005).

Много записей топонимов, обозначающих род занятий основателя или жителей селения местности: "село наше называется Пахарь. Приехали мы давно. Здесь ничего не было. А наши деды и прадеды всю жизнь в земле работали, были пахарями. Так и здесь сажали пшеницу, рожь... Земля здесь богатая. Как деды работали, пахали, так земля и одаривала – убирала богатый урожай. Земля-то тружеников, пахарей любит, за труд и одаривает..." (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 54, опись Р-11-1983).

Большую группу образуют топонимы, в основе которых наименование местности, откуда пришли первопоселенцы: "село наше называется Полтавкой потому, что первые поселенцы были родом из Полтавы" (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 124, опись Р-7-1988), "... наши

приехали сюда из окрестностей города Херсона. Вот и назвали село Херсоном” (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 124, опись Р-7-1988).

Записано более сорока топонимов, образованных от названия исторического события или связанные с историческим событием: “... недалеко от села раньше было большое озеро. Казахи называли его Канголь. Рассказывали, что в этих местах шла битва с джунгарами или калмыками. Не знаю. Такая была сеча у берега озера, что вода в озере стала красного цвета от пролитой крови (“кан” по-казахски кровь, а “голь” – это озеро.) Получается “Кровавое озеро”. Никто не уступал. Ни джунгары, ни казахи. Говорят, что там все и полегли. В бригаде трактористы рассказывали, что, когда пахут землю, то с землей выворачиваются обломки стрел, копей, мечей и даже кости. Озеро со временем обмельчало, превратилось в маленькое болотце. Теперь вокруг него поля, поля...” (АКРФ КГУ им.Ш.Уалиханова, ед.хр. 22, опись Р-4-1979).

Еще с 18 века сохранились топонимы, образованные от имени исторического лица: “... по имени первого землеустроителя, человека видного, известного назвали наше село Пухальское. У землеустроителя фамилия была Пухальский...” (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 7, опись Р-4-1978).

Как мы видим, в количественном отношении преобладают топонимические предания, объясняющие название именем, фамилией или прозвищем человека (34 фиксации). Другую большую группу составляют топонимические предания с мотивом, объясняющим название особенностями природного и животного мира края (28 фиксаций).

Топонимический мотив может быть как сюжетобразующим, так и статическим (входящим в состав образа), что зависит от жанровой принадлежности произведения. Так, топонимический мотив присутствует в структуре других жанров сказочной прозы. Например, в быличках он занимает периферийное положение, топонимический мотив не образует сюжета: “Это случилось у Белой горы. Белой горой называют сопку потому, что на ее вершине до середины июня лежит снег. Так вот у ее подножья и случилось все с Манюшкой...”. Далее следует сюжет былички о девушке, уведенной лешим (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 4, опись Р-8-1978). Включение топонимического мотива в сюжет былички необходим для описания качеств места, на фоне которого про-

исходит действие. Топонимический мотив в данном случае статичен. Сюжетное значение его заключается в том, что он составляет пространственно-временный фон произведения.

В легенде же топонимический мотив подтверждает святость героя и является поводом для повествования о местном чуде, чудотворце или положительном герое. В данном случае мотив тоже статичен. Так, например, Рельхен Г. Ф. рассказывает: “В давние времена на месте нашего села лежало огромное море. По этому морю плыл огромный корабль богатого человека. Этого человека застала буря. И корабль затонул. Богатый человек стал молить бога о его спасении: “Господи, преврати это море хотя бы в небольшую речку, чтобы мои богатства остались целыми». Богатый человек был очень исполнительным и угодным богу, поэтому бог услышал его молитвы и послал облегчение на его голову. На месте большого моря образовалась маленькая речка, названная позже *Чаглинкой*, а на месте затонувшего корабля были найдены ценные полезные ископаемые” (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 82, опись Р-8-1986). В данном случае топонимический мотив название речки Чаглинка является сюжетобразующим. Информант пытается объяснить возникновение речки, но не названия. Основная функция данного сюжета не сколько познавательная (происхождение речки Чаглинка), сколько дидактическая. За исполнительность и богоугодность персонаж легенды оказывается вознагражденным. Информант призывает к такому типу поведения своих слушателей.

Следует отметить, что в фольклорных произведениях может быть исполнитель, рассказчик, сказитель, но в нем нет автора, сочинителя как элемента самой художественной структуры произведения. На изображение пространственно-временных отношений в произведениях фольклора оказывает влияние и сосуществование элементов различных эпох. Мифологическое здесь нередко перекрещивается с историческим, что отражается на художественных особенностях произведения. Так в Зерендинском районе была записано предание от внучки первопоселенцев Черниченко Л., 1947 г.р.: “Давно это было. Мама говорила, что старики рассказывали, она маленькой была. Мы ведь здешние, местные. Мама не помнит, откуда переехала. Так, вот, был такой случай в наших краях. У одного богатого бая была очень красивая дочь. Парни все на нее

заглядывались. Отец засватал ее за другого богатого, но старого. А дочь любила бедного парня. А уже сватать ее едут. Решили молодые бежать. Убежали. Устали, остановились передохнуть у родника, воды попить. А вода в ключе была очень холодная, девушка мыла руки и уронила кольцо. Погоня уже близко. Девушка заплакала, и от ее слез образовалось озеро. Назвали потом озеро Зеренда, то есть “где лежит кольцо”. По-казахски “зере” – это кольцо” (АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, опись Р-15-1989, ед.хр. 143). Мотив появления воды из слез девушки носит явно мифологический характер. В архаических представлениях вселенная произошла из частей тела первочеловека, что отражается в названиях природных явлений и окружающего пространства: подножие горы, устье реки и т.д. Таким образом, озеро и история его названия существовали задолго до переселения восточных славян на территорию нынешней Акмолинской области. Как видим из предания, реальная действительность смешалась с архаическим мотивом.

Топонимические предания Акмолинской области делятся на предания, повествующие о жизни казахов и предания о русских переселенцах. Пространственно-временные характеристики этих двух групп преданий отличаются друг от друга: русские переселенцы наблюдали за жизнью казахов. Уклад и традиции и жизни казахов отражаются в топонимических преданиях, а историческое время датируется историческими событиями или деятельностью исторических лиц. Хронология топонимических преданий Акмолинской области совпадает с общероссийской, но ведущей темой топонимических преданий послепереселенческого периода является осмысление отношений русских и коренных народов. Основные мотивы – мотивы мирного сосуществования и столкновения переселенцев и казахов. Совместное проживание на одной территории требовало уважительного отношения к традициям соседа. Этим объясняется то, что большая часть топонимических преданий повествует о мире и согласии между казахами и переселенцами. Обращает на себя внимание широкое бытование в Акмолинской области топонимических преданий, основанных на иноязычных топонимах. Сохранение названий, существовавших задолго до прихода русских, объясняется стремлением переселенцев освоить окружающее пространство с учетом опыта местных народов. Так, например, звучит топонимическое

предание о названии села Саумалколь. “У одного бая, который жил до нас здесь, были три дочери невиданной красоты. Отец очень любил их и баловал. Однажды они подошли к нему и попросили доказать свою отцовскую любовь. Отец согласился с их просьбой и задумался. Наконец он принял решение: он назвал озеро по имени сразу трех дочерей. А дочерей звали Сау, Мал, Коль. С тех пор озеро называется Саумалколь” (от Поданевой А., АКРФ КГУ им. Ш. Уалиханова, ед.хр. 357, опись Р-5-2007). Наряду с этим преданием существует и другое объяснение топонима: слово “саумал” переводится с казахского как “только что подоенное кобылье молоко”. Нупилова Ш., 1937 г.р. объясняет топоним следующим образом: “... вода в озере мягкая, теплая, как только что подоенное кобылье молоко. Раньше в только что подоенном кобыльем молоке купались байские дочери. Потому они были красивые, белокожие...”. Иноязычные топонимы несли информацию о жизни казахов, об особенностях географических объектов и тем самым предопределяли восприятие местности переселенцами.

Таким образом, топонимические предания являются самостоятельным жанром сказочной прозы. Поэтому выявление региональных особенностей топонимических преданий Акмолинской области, их структурных особенностей и сюжетно-мотивного состава является актуальным, так как исследуемый материал нигде не был опубликован. Широкое бытование топонимических преданий объясняется стремлением человека осмыслить окружающее пространство и себя в нем. Перспективным направлением в изучении темы является исследование осмысления действительности в топонимических преданиях населением Акмолинской области, а также исследование межжанровых и межвидовых связей топонимических преданий, сравнение пространственно-временной организации разных жанров сказочной прозы.

Асенова (Нургалиева), Айтжан Бекбулатовна,
кандидат филологических наук, Республика Казахстан, Кокшетауский государственный университет имени Ш.Уалиханова; зам. декана филологического факультета – г. Кокшетау, Казахстан – bayandina2004@mail.ru